

На правах рукописи

Хмелинин Алексей Алексеевич

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК ФАКТОР
СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» на кафедре политических наук.

Научный руководитель: доктор политических наук, профессор
Русакова Ольга Фредовна

Официальные оппоненты: **Василенко Ирина Алексеевна**,
доктор политических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова», профессор кафедры российской
политики

Аблажей Анатолий Михайлович,
кандидат философских наук, доцент, ФГБУН Ин-
ститут философии и права Сибирского отделения
РАН, заведующий сектором социологии науки и об-
разования отдела социальных исследований

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Забайкальский
государственный университет»**

Защита состоится «10» июня 2016 г. в 11-00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.18 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 248 (зал заседаний диссертационных советов).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=255774>

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. полит. наук, доцент

Керимов Александр Алиевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Современный неолиберализм – сложносоставное явление политической реальности. Это и концептуально многоплановая политическая доктрина, отражающая систему теоретических положений, которые берутся за основу при обосновании стратегического курса государства и международных объединений, и широко распространенная политическая практика, отражающая интересы транснациональных монополий и гегемонистских групп влияния.

Одной из исследовательских задач современной политической науки является комплексный анализ неолиберализма как особой политической доктрины, стратегии, реформаторской практики, а также – как своеобразного политического дискурса и определенной системы взглядов, которые оказывают большое преобразовательное воздействие на развитие современных политических институтов и процессов.

Изучение неолиберализма как влиятельного политического феномена современности представляется теоретически важным для понимания содержания и механизмов реализации глобальных и иных трендов в политической жизни общества, особенностей государственных преобразований и управленческих практик. Среди данных трендов – усиление господства транснациональных корпораций и финансового капитала, обострение конкурентной борьбы за сферы мирового влияние, ослабление государственного суверенитета, углубление процессов социального и цифрового неравенства, расширение зон социально-политической и экономической турбулентности.

Стратегия неолиберальных реформ декларативно направлена на реализацию в мировом и региональном масштабах экономической и политической свободы, при правильном распоряжении которой государство, якобы, в состоянии обеспечить себе устойчивое развитие, экономический рост, создать благоприятную институциональную среду для формирования правового демократического порядка, в котором нормативно действующие рыночные субъекты обеспечивают общегосударственную эффективность. Однако практика показывает, что реформы, проводимые по рекомендациям таких глобальных проводников неолиберальной доктрины как МВФ, МБ и ЦБЕ, в итоге оборачиваются углублением кризисных явлений внутри государств, усилением внутренних конфликтов.

С самого своего начала развитие постсоветского российского политического процесса осуществлялось в условиях проведения радикальных неолиберальных реформ, которые получили свое практическое воплощение в стратегии под названием «шоковая терапия», в программах «монетизации льгот», приватизации через ваучеризацию, в коммерциализации здравоохранения, образовательной, культурной и научной сфер жизни, в рекламе утилитарно-потребительского образа жизни. Уже в середине 90-х годов обнаружили негативные последствия данных реформ, которые стали предметом пристального внимания со стороны авторитетных исследователей¹.

В последние годы в общественных и научных кругах заметно усилились критические настроения в отношении политической доктрины и практики неолиберализма, что могло навести на мысль о том, что эпоха доминирования неолиберализма в мировом идейном и политическом пространстве близка к своему завершению. Однако, как показывает опыт последних лет, связанный с распространением гегемонистских методов влияния и контроля над мировыми

¹Ахиезер А. Российский либерализм перед лицом кризиса // *Общественные науки и современность*. 1993. №1. С. 12-21; Гаджиев К.С. Размышления о свободе // *Вопросы философии*. 1993. № 2. С. 33-48; Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // *Политические исследования*. 1994. №1. С. 68-92; Батчиков К., Кара-Мурза С. 8-я Международная конференция "Глобализация и развитие" в Гаване (Куба) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html>; Рубцов А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных традиций в современной России) // *Политические исследования*. 1995. № 6. С. 10-18, и др.

процессами, с практикой двойных стандартов, неолиберализм, отнюдь, не собирается сдавать своих позиций. Напротив, неолиберализм сегодня включает в свой политико-технологический арсенал все новые эффективные методы и технологии расширения сфер своего влияния. В целях защиты интересов транснациональных корпораций и установления контроля за политическими процессами неолиберальные акторы берут на вооружение новейшие информационно-коммуникативные технологии, инструменты «мягкого» влияния (soft power), стратегию так называемой «умной власти», методы организации «цветных революций», технологии современных информационных, сетевых и гибридных войн.

В этой связи всестороннее изучение неолиберализма как многопланового и развивающегося политического феномена, оказывающего глубокое трансформационное воздействие на разнообразные сферы общественной жизни, представляет значительный интерес для современной политической науки и практики управления политическими процессами.

Степень научной разработанности проблемы. В современной литературе не сложилось однозначного понимания термина «неолиберализм». Существует точка зрения, согласно которой неолиберализм трактуется как некая интеграция идейных элементов классического европейского либерализма XVIII-XIX вв. с рядом постулатов социал-демократии, в частности, с идеей социального государства, получившей отражение в политико-правовых воззрениях российской либеральной интеллигенции начала XX века². В исследованиях по истории политической экономии под неолиберализмом понимается совокупность экономических школ, которые противостояли кейнсианству и экономическим проектам социалистов и коммунистов в целом ряде западных государств.³ В некоторых работах под неолиберализмом понимается исключительно политика радикально-рыночных реформ, проводимых сторонниками Вашингтонского консенсуса⁴.

В большинстве же работ неолиберализм рассматривается в качестве ведущего драйвера процесса глобальной маркетизации, коммерциализации и монетизации общественных отношений, продвигающего во всех сферах жизни социума интересы транснациональных корпораций и центров мирового политико-экономического влияния (МВФ, ВТО, Международный Банк, G7 и др.).

Неолиберальный поворот или неолиберальная глобализация как масштабный политический проект трансформации общественных отношений и общественного сознания в направлении их служения интересам транснациональных корпораций является одним из центральных сюжетов большого числа научных исследований. Разработка данной проблематики представлена в трудах таких ученых как: У. Бек, Ф. Джеймисон, М.В. Ильин, В.К. Карнаух, Ю.Н. Мосейкин, В. Наварро, М. Стоядинович, С.А. Тангян, С.А. Третьякова, А.И. Уткин, Н. Хомский и др.

Вопросы реализации глобального неолиберального проекта в странах Запада и Латинской Америки получили освещение в исследованиях ряда зарубежных авторов: Д.Дж. Айкенберри, Д. Арриги, А.Д. Бардер, Г. Дюменил, Д. Леви, М. Просад, Д. Раундз, М. Фуркад-Гуричас, О.К. Элвис и др.

Значительный вклад в изучение особенностей реализации и последствий неолиберальных реформ в странах Латинской Америки внесли отечественные латиноамериканисты: Д.В. Белов, А.В. Бобровников, В.М. Давыдов, И.К. Шереметьев и др.

В последнее время широкое распространение получили исследования, в которых неолиберализм рассматривается как философский, политический, экономический и социокультурный дискурс, транслирующий особую систему ценностей и формирующий такой тип субъектности,

² Попова А. В. Русская неолиберальная политико-правовая доктрина как интегральный тип правопонимания в конце XIX – начале XX вв. // Политика и Общество. 2014. № 2. С. 167-175.

³ Блюмин И. А. Критика буржуазной политической экономии / Кризис современной буржуазной политической экономии. Том 3. 1962. Общая характеристика неолиберализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://economuch.com/politicheskoy-ekonomiki-istoriya/obschaya-harakteristika-neoliberalizma-13639.html>

⁴ Кальюни Э. О. Экономическая стабильность и кризис неолиберализма в Латинской Америке: переосмысление реформ или поиск новой парадигмы развития? // Латинская Америка. 2007. № 5. С.18-27; Ананьин О., Хайкулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битвы // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С.15-27 и др.

который подвержен разного рода манипуляциям со стороны неолиберальных СМИ, политических и массово-развлекательных технологий (П. Бурдые, П. Дардо, К. Лаваль, А.А. Жиру, М. Хильгерс и др.).

Неолиберальные идейные установки и политические практики далеко неоднозначно оцениваются и анализируются в научных кругах. На наш взгляд, можно выделить три группы теоретических работ, различающихся по своим оценочным акцентам в анализе неолиберализма: 1) работы апологетического характера; 2) работы с преимущественно «взвешенной» оценкой; 3) работы с критической доминантой.

К первой группе можно отнести труды признанных «певцов» неолиберализма – лидеров Фрайбургской школы (В. Ойкен, В. Репке, А. Рюстов, Л. Эрхард), Чикагской или «монетарной школы» (Л. Мизес, М. Фридман, А. Шварц), Лондонской школы (Л. Роббинс, Ф. Хайек), аналитиков Нью-Йоркского Фонда Сороса (Д. Липтон, Д. Сакс), Парижской школы (М. Алле, Ж. Рюэфф).

В России принципы и стратегии неолиберализма получили свое теоретическое обоснование в работах инициаторов и идейных проводников радикальных либеральных реформ 1990-х гг. (П.О. Авен, Е.Т. Гайдар, А.Р. Кох, А.А. Нечаев, Я.М. Уринсон, Н.П. Шмелев, Е.Г. Ясин).

«Взвешенный» подход к осмыслению феномена неолиберализма наиболее типичен для работ идейно-исторического, философско-политического и системно-обобщающего характера. К данному типу исследований, прежде всего, необходимо отнести лекционный курс М. Фуко, прочитанный им в Коллеж де Франс в 1978/1979 учебном году. В центре внимания выдающегося философа – вопросы становления неолиберализма как философско-политической доктрины и как определяющего фактора развития современного западного мира⁵. В том же ключе работают сегодня такие исследователи как К. Крауч, Дж. Кэмпбелл, П. Манент, О. Педерсен, Дж. Пек, А. Тикелл, П. Тренор, Ю. Хабермас и др.

К данной группе можно также отнести авторов, в исследованиях которых неолиберализм рассматривается в контексте истории политической мысли и политической философии (Т.А. Алексеева, Э.Я. Баталов, Д. Боуз, Г.А. Быковская, Г.С. Гаджиев, А.Н. Загородников, Б.Г. Капустин, А.В. Каримов, У. Кимлика, Р. Кубедду, В.П. Макаренко, К.Б. Макферсон, А.А. Раквиашвилли, О.Ф. Русакова, В.Л. Сморгунов, А.И. Соловьев, Р.А. Черенков, А.В. Щипков и др.), а также в контексте теории международных отношений и мировой политики (А.Д. Богатуров, Ф. Закариа, Н.А. Косолапов, М.М. Лебедева, А.В. Торкунов, М.А. Хрусталева, А.П. Цыганков, П.А. Цыганков и др.).

«Взвешенный» анализ дискурсивных практик неолиберализма содержится в работах Д.В. Ефременко, О.Ф. Русаковой, В.В. Шабельника.

Доминантно-критический подход при анализе неолиберализма характерен для научного творчества таких авторов как, А. де Бенуа, О.Т. Богомоллов, Л. Болтанский, В. Браун, Дж. Грей, П. Дардо, А.Г. Дугин, С. Жижек, Г.А. Жиру, Э. Кьяпелло, К. Лаваль, А.С. Панарин, И. Потачек, Дж. Стиглиц, Д. Харви и др.

Жесткая критика неолиберализма с позиции такого альтернативного политического течения как антиглобализм (альтерглобализм) дается в теоретических исследованиях С. Амина, А.В. Бузгалина, А.А. Ждановской, Б.Ю. Кагарлицкого, А. Каллиникоса, Н. Кляйн, А. Негри, М. Харда, К. Хеджеса, Н. Хомского и др.

Всесторонний критический анализ политики и реформаторской практики российского неолиберализма содержится в работах М. Г. Делягина, С. Г. Кара-Мурзы, Е.М. Примакова и др.

Вместе с тем, несмотря на существующее многообразие аналитических и критических исследований, касающихся изучения политической доктрины и практики неолиберализма, ряд вопросов еще нуждается в дополнительном теоретическом освещении. К таковым, на наш взгляд, относятся: комплексный сопоставительный анализ существующих в научной литературе трактовок понятия «неолиберализм»; системное изучение критических подходов к анализу неолиберальной идеологии и практики; выявление особенностей российской модели неолибера-

⁵ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

лизма; исследование проблемы социальной справедливости в контексте политики неолиберализма; рассмотрение неолиберализма в качестве фактора, оказывающего существенное воздействие на трансформацию современного государства и демократии; анализ значения и роли неолиберального дискурса в формировании новой субъектности; изучение вопроса об использовании неолиберальными силами новых технологий политического влияния.

Основная научная проблема заключается в формировании целостного представления о неолиберализме как сложносоставном феномене, ставшем в конце XX-начале XXI вв. доминирующим идейно-политическим течением, выступающим теоретическим и стратегическим фундаментом широкомасштабных реформ, приводящих к глубоким трансформациям политической системы общества.

Объект исследования – неолиберализм как идейно-политический феномен и реформаторская практика.

Предмет исследования – трансформационное воздействие идейно-стратегических установок неолиберализма на политические процессы и институты в эпоху глобализации.

Цель исследования заключается в разработке концепции неолиберализма, позволяющей теоретически осмыслить данный феномен в качестве влиятельного идейно-политического и стратегического фактора, оказывающего глубокое трансформационное воздействие на политическую жизнь современного общества.

Достижение указанной цели содержательно предполагает постановку и решение следующего комплекса **исследовательских задач**:

– выявить и сопоставить существующие в литературе основные трактовки понятия «неолиберализм», дать авторское определение неолиберализма как сложного феномена и раскрыть его сущностные черты;

– содержательно раскрыть особенности исторически сложившихся разнообразных форм неолиберализма;

– обозначить основные вехи институционализации неолиберализма и превращения его в доминирующее идейно-политическое течение;

– дать качественные характеристики существующим в современной литературе критическим подходам к неолиберальной глобализации;

– раскрыть сущность трансформационной функции неолиберализма, в целом, и неолиберального дискурса, в частности;

– выявить особенности неолиберального дискурса как фактора ценностных трансформаций;

– провести критическую оценку неолиберальной концепции государства и демократии;

– раскрыть особенности российской модели неолиберализма, систематизировать оценки последствий российских неолиберальных реформ, а также предложений по преодолению их негативных последствий;

– осуществить критический анализ ряда конкретных политических технологий, находящихся в арсенале неолиберализма и направленных на упрочение глобального доминирования транснациональных корпораций.

Теоретико-методологические основы исследования. Фундаментальной основой исследования стал системный подход, который позволил рассмотреть неолиберализм как многоплановый, но при этом целостный феномен, функционирующий в социально-политической системе общества в следующих ипостасях: в качестве политической теории, политической идеологии, определенной системы ценностей, современной модели глобализации, модели государства и демократии, реформаторской политической стратегии и совокупности политических технологий.

Для изучения существующих в литературе трактовок понятия «неолиберализм» была использована методология категориального и концептуального анализа понятийного аппарата современной политической теории и политической философии, получившая глубокое научное освещение в работах Т.А. Алексеевой, Л.Е. Бляхера, И.А. Василенко, Г.С. Гаджиева, М.В. Иль-

ина, Б.Г. Капустина, В.П. Макаренко, О.Ю. Малиновой, А.С. Панарина, О.Ф. Русаковой, А.И. Соловьева и др.

При рассмотрении различных позиций в понимании неолиберализма в качестве современного направления общественной мысли применялись исторический, идейно-генетический, типологический и интерпретационно-сопоставительный подходы. Теоретико-методологической базой для обоснования отличий неолиберализма от классического либерализма, для его категориальной отстройки от таких близких по смыслу понятий как «новый либерализм», «радикальный либерализм», «социальный либерализм» и «неоконсерватизм» стали работы следующих авторов, рассматривающих разнообразные формы либеральной политической мысли и практики: Т.А. Алексеева, Р. Арон, И.А. Блюмин, С.И. Глушкова, Н.В. Дергунова, О.Б. Игнаткин, У. Кимлика, В.В. Леонтович, К.Б. Макферсон, Н.А. Масалова, А.Н. Медушевский, Л.И. Новикова, О.Ф. Русакова, И.Н. Сиземская, В.В. Шелохаев и др.

Метод теоретического моделирования и идейной реконструкции использовался в процессе выделения базовых черт неолиберальной политической доктрины, модели неолиберального государства, российской модели неолиберализма.

Метод дискурс-анализа был положен в основу исследования особенностей неолиберального дискурса, а также дискурса альтернативных неолиберализму проектов политического устройства общества. В качестве теоретико-методологической базы изучения альтернативных неолиберализму политических дискурсов послужили работы Ж. Бодрийяра, Т. ван Дейка, С. Жижека, О.Ф. Русаковой, О.В. Соколовой и др.

Значительное методологическое влияние на понимание нами специфики неолиберального дискурса сыграли работы М. Фуко, в которых дискурс рассматривается как технология властвования и контроля⁶, а также работы, посвященные фукианскому анализу дискурса либерального управления обществом⁷.

Важным теоретико-методологическим основанием для анализа современных трансформаций государства, демократии, социальной сферы и системы ценностей стали работы следующих авторов: А.М. Аблажей⁸, И.А. Василенко⁹, А.Б. Вебер¹⁰, Б.Ю. Кагарлицкий¹¹, А.А. Керимов¹², В.С. Мартьянов¹³, В.И. Михайленко¹⁴, Л.В. Сморгун¹⁵, Л.Г. Фишман¹⁶ и др. При раскрытии сущности трансформационной функции неолиберализма мы методологически опирались на работу С.П. Золотарева, посвященную исследованию российского либерализма, рассматриваемого в качестве фактора трансформации российской государственности, в которой было проанализировано понятие «трансформационная функция» и выделено два основных значения термина «трансформация» применительно к изучению русского либерализма¹⁷. В про-

⁶ Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. №2 (65). С.159-262.

⁷ Донзело Ж., Годон К. Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире // Логос. 2008. № 2 (65). С. 3-20.

⁸ Аблажей А.М. Неолиберальная трансформация современной науки: российская версия // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2014. Т.12, выпуск 4. С. 40-46.

⁹ Василенко И.А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта. М.: Международные отношения, 2013. 359 с.

¹⁰ Вебер А.Б. Устойчивому развитию нет разумной альтернативы // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей. М.: Ключ-С, 2015. С. 8-21.

¹¹ Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. М.: Полиграф, 2013. 256 с.

¹² Керимов А.А. Трансформация политической системы современной России: историко-политологические аспекты // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Мат-лы IX Всерос. науч. конф., 8-9 октября 2009 г. В 2-х т. Екатеринбург: изд. дом «Автограф», 2009. Т.2. С. 46-50.

¹³ Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 359 с.

¹⁴ Михайленко В.И. Глобализация и глобальное управление. Екатеринбург: УрГУ, 2008. 257 с.

¹⁵ Сморгун Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2012. 362 с.

¹⁶ Фишман, Л.Г. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Фишман Леонид Гершевич. – Екатеринбург, 2000. – 20 с.

¹⁷ Золотарев, С.П. Идеология либерализма как фактор трансформаций российской государственности: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра филос. Наук : 09.00.11 / Золотарев Сергей Петрович. – Краснодар, 2012. – 42 с.

цессе изучения трансформационной роли неолиберализма в ходе формирования новой субъектности, мы руководствовались целым рядом положений, сформулированных в работах Т.А. Алексеевой, В. Браун, П. Дардо, А. Жиру, К. Лавалья, Д. Харви, Н. Хомского и др.

Методологической базой при изучении особенностей российского неолиберализма, его политической практики стали для нас положения и выводы, содержащиеся в выступлениях академика Е.М. Примакова на заседаниях клуба «Меркурий»¹⁸.

При рассмотрении новых политических технологий, применяемых агентами неолиберального влияния, был применен технологический подход в политике (М.Г. Анохин, Л.И. Гордеев, О.Е. Гришин и др.). Автором были взяты на вооружение также исследовательские подходы и теории З. Баумана¹⁹, Ю.П. Давыдова²⁰, М. Кастельса²¹, Н.А. Комлевой²², А.В. Манойло²³, Дж. Ная²⁴, Н.А. Нарочницкой²⁵, В.С. Овчинского, И.Ю. Сундиева²⁶, Е.Г. Пономаревой²⁷, О.Ф. Русаковой²⁸ и др.

Научная новизна диссертации определяется постановкой проблемы, направленной на раскрытие сущностных черт неолиберализма как влиятельного идейно-политического течения, лежащего в основе стратегий широкомасштабных реформ, оказывающих трансформационное воздействие на все сферы политической жизни общества. Основные элементы новизны заключаются в следующем:

- проведен категориальный анализ понятия «неолиберализм», в рамках которого выявлены, рассмотрены и критически оценены основные трактовки данного понятия;
- предложено авторское определение неолиберализма как сложносоставного политического феномена современной эпохи, осуществляющего функцию трансформационного воздействия на современные политические институты и процессы глобализации, выделены его сущностные черты; зафиксированы основные вехи институционализации неолиберализма и превращения его в доминирующее течение общественной мысли;
- выявлены и систематизированы современные зарубежные и отечественные направления критического подхода к теории и практике неолиберальной глобализации;
- проведено уточнение понятия «трансформационная функция» в отношении идеологии и практики неолиберализма;
- проведен анализ неолиберального дискурса, рассматриваемого в качестве фактора формирования новой социально-политической субъектности;
- проанализированы понятия «неолиберальное государство» и «неолиберальная демократия», раскрыты современные теоретические подходы к трансформациям государства и демократии в условиях господства неолиберального политического курса;

¹⁸ Примаков Е. Почему неолиберализм непригоден для России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.nakanune.ru/articles/18521>

¹⁹ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

²⁰ Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. №1. С.3-24.

²¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2000. 608 с.

²² Комлева Н.А. Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства // Пространство и время. 2013. № 1. С. 18-23.

²³ Манойло А.В. Проблемы демонтажа политических режимов в современном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://nic-pnb.ru/articles/problemy-demontazha-politicheskix-rezhimov-v-sovremennom-mire/>

²⁴ Най С.Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 444 с.

²⁵ Нарочницкая Н.А. Американские «аналитические институты» – глаза, уши и совесть Америки. СПб.: Алетейя, 2008. С. 11-22.

²⁶ Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>

²⁷ Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций»: современные технологии смены политических режимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://omiliya.org/article/sekrety-tsvetnykh-revoljutsii-sovremennye-tekhnologii-smeny-politicheskikh-rezhimov-elena-ponomareva>

²⁸ Русакова О.Ф. Soft power: теория, ресурсы, дискурс. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015. 376 с.

- введено в оборот понятие «неолиберальный управляющий класс», раскрыты его базовые черты;

- выдвинута гипотеза о «гибридном» характере российской модели неолиберализма, который обусловлен адаптивной политической гибкостью данной модели и содержательно представляет собой противоречивый набор идейно-политических и стратегических установок;

- выдвинута гипотеза о формировании в официальном политическом дискурсе России тенденции отхода от неолиберальной парадигмы в сторону новых приоритетных ценностей, в числе которых – национально-государственный суверенитет, социальная справедливость, патриотизм;

- проведен анализ современных технологий, применяемых неолиберальными силами в процессе организации и проведения цветных революций, дана их комплексная классификация; в отдельный комплекс выделены технологии неолиберальной политики памяти.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современной литературе можно выделить следующие основные трактовки понятия «неолиберализм»: 1) трактовка неолиберализма как нового этапа развития либеральной мысли, ознаменованного стремлением соединить идеи классического либерализма с элементами социалистической теории, в частности, с идеями государственного управления экономикой, правового социализма и социальной солидарности; 2) отождествление понятия «неолиберализм» с учением кейнсианства, выступающим за социальное государство и сочетание рыночной экономики с государственным регулированием; 3) под понятием «неолиберализм» подразумеваются теории развития свободной конкуренции, рыночно ориентированной государственной политики, коммерциализации социальной сферы, альтернативные как социалистической идеологии, так и кейнсианству; 4) под неолиберализмом понимается глобальная экономическая доктрина, известная под названием «Вашингтонский консенсус»; 5) неолиберализм рассматривается в качестве глобального проекта, направленного на установление нового мирового порядка при доминировании крупных транснациональных корпораций (МВФ, ВБ, ВТО и др.).

Первые две трактовки неолиберализма, на наш взгляд, неправомерно отождествляют неолиберализм с такими идейными течениями как социал-либерализм и кейнсианство, поскольку данный феномен по ряду идейных параметров альтернативен указанным направлениям либеральной мысли. Остальные же трактовки, по сути, верно характеризуют неолиберализм как доминирующий проект современной глобализации.

2. В качестве наиболее общего определения неолиберализма предлагается следующее: неолиберализм – это доминирующее в эпоху глобализации идейно-политическое течение, стратегически направленное на преобразование общественных отношений на основе всестороннего утверждения маркетинговой парадигмы, реализации доктрины Вашингтонского консенсуса в интересах транснациональных корпораций.

При всем многообразии идейно-теоретических форм и реформаторских моделей неолиберализма его сущностными чертами, отличными от других видов либерализма, являются: (1) смещение акцента в понимании рыночной экономики с принципа свободного обмена на принцип свободной конкуренции, при этом конкуренция понимается не как свободная игра рыночных сил, а как искусство управления; (2) наилучшей моделью государства считается государство-менеджер, организующее путем администрирования условия для развития свободной конкуренции, а также проводящее социальную политику методами коммерциализации и монетизации всех сфер общественной жизни; (3) для обществ переходного типа, вступающих на путь рыночной экономики, в качестве стратегии реформ рекомендуется модель «шоковой терапии»; (4) основным проектом развития национального государства является проект его десувенинизации, космополитизации и интеграции в транснациональную политическую кооперацию; (5) демократия рассматривается сквозь призму политического маркетинга, демократические ценности трактуются как политический товар, который требуется эффективно и выгодно продать избирателю.

3. Неолиберализму удалось сформировать в последние десятилетия XX-го века в странах Запада общественный консенсус между элитой и широкими социальными слоями, прежде все-

го, благодаря успешному продвижению ценностей общества потребления. Доминирование неолиберального дискурса в 1980-е гг. в США и в Западной Европе было также связано с политическим наступлением неоконсервативных сил в системе государственной власти на институты гражданской солидарности, что было обозначено такими понятиями как «тэтчеризм» и «рейганомика». В этой связи политическую идеологию и стратегию неоконсерватизма, получившую реализацию в политических курсах М. Тэтчер и Р. Рейгана, предлагается рассматривать в качестве одной из исторических форм неолиберализма.

4. Под трансформационной функцией неолиберализма в широком значении понимается способность его институционализированных и персонифицированных акторов, а также его дискурса и ценностных установок оказывать преобразовательное воздействие на социально-политическую жизнь общества в целях глобального доминирования. В узком значении трансформационная функция неолиберализма выражается в реализации программ рыночных реформ, предписываемых Вашингтонским консенсусом и другими международными проектами.

5. Превращение неолиберализма в доминирующее и глобальное идейно-политическое течение в конце XX-го – начале XXI вв. произошло в значительной степени, благодаря деятельности «фабрик мысли», бизнес-школ, университетских исследовательских центров и СМИ, продвигающих воззрения и принципы неолиберализма в международном масштабе. Наиболее жесткой формой неолиберализма, направленной на реализацию принципов рыночного фундаментализма в странах Латинской Америки и в новых постсоциалистических государствах, является Вашингтонский консенсус.

6. Неолиберализм как проект глобализации в последние годы постепенно утрачивает свою доминирующую позицию, что получает свое отражение в многочисленных разработках альтернативных моделей постлиберального глобального развития, которые претендуют на статус стратегии новой справедливой глобализации.

7. Смысловым ядром неолиберального дискурса выступает маркетинговая парадигма, которая лежит в основе его оценочной и трансформационной функции. Неолиберальный дискурс в качестве фактора ценностных трансформаций производит эффект переформатирования ментальности посредством внедрения в общественное сознание рыночной логики инвестирования в человеческий капитал, понимаемый как сумма компетенций, обеспечивающих личности ее рыночную конкурентоспособность. Неолиберальный дискурс порождает количественный фетишизм, лежащий в основе формирования субъекта «бухгалтерского» типа, что находит свое отражение в доминировании рейтинговых показателей при оценке эффективности любой, в том числе интеллектуальной, деятельности.

8. В основе неолиберальной концепции государства лежит идея утраты значения понятия «государственный суверенитет» в условиях глобализации. Данная идея базируется на положении о доминирующей в глобальном мире тенденции поглощения национальных государств транснациональными объединениями.

9. Главной особенностью российского неолиберализма является его гибридный характер, обусловленный естественным стремлением неолиберальной власти укрепить собственную легитимность путем интеграции разнообразных ценностных ориентаций, отвечающих интересам и настроениям разных общественно-политических групп.

10. В последние годы в официальном политическом дискурсе России наметилась тенденция постепенного отхода от неолиберальной парадигмы, на смену которой могут прийти новые ценностные ориентации, такие как защита государственного суверенитета страны, реализация принципа социальной справедливости, продвижение национальных интересов России на мировой арене. Данный идейно-политический дрейф продиктован также усилением критики неолиберального курса со стороны авторитетных российских ученых и политических деятелей. Таким образом, будучи фактором трансформаций российского политического процесса, российский неолиберализм претерпевает собственную трансформацию.

Теоретическая значимость исследования. Теоретические положения диссертации расширяют понятийный аппарат и методологическую базу исследований, направленных на изучение современных течений политической мысли и практики, оказывающих значительное воз-

действие на состояние политических институтов и процессов. В работе дается системный анализ научных интерпретаций, критических оценок и стратегических установок неолиберализма как политического проекта глобализации и важного фактора современных политических трансформаций. Осуществляется анализ неолиберального дискурса, на основе которого, по версии автора, происходит формирование новой социально-политической субъектности. Рассматриваются такие категории как «неолиберальное государство» и «неолиберальная демократия». Вводится в научный оборот понятие «гибридная модель российского неолиберализма». Анализируются противоречия в стратегических установках и социальной политике российского неолиберализма. Выявляется новый технологический инструментарий в политической практике неолиберализма.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в возможности использования его материалов при разработке вузовских программ учебных курсов по политологическим дисциплинам, а также в преподавании специализированных курсов, посвященных изучению неолиберального проекта глобализации, неолиберальной идеологии и политической практики, российской модели неолиберализма. Положения и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть полезны для политических аналитиков, политических философов и идеологов, специалистов в области современных политических и информационных технологий.

Степень достоверности результатов проведенного исследования. Обоснованность и достоверность результатов, полученных диссертантом, базируется на использовании общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также на методах системного, исторического, идейно-генетического, типологического и интерпретационно - сопоставительного подходов. Автором проанализированы работы ведущих отечественных и зарубежных ученых по исследуемой проблеме.

Апробация исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и рекомендована к защите. Основные положения и результаты исследования отражены в 9 публикациях, в том числе в 4 статьях в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК. Концептуальные идеи исследования обсуждались на VII Российском философском конгрессе «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (г. Уфа, 6-10 октября 2015 г.), на Международной конференции «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (Екатеринбург, октябрь 2014 г.), на VI Российском философском конгрессе (Нижний Новгород, июнь 2012 г.).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, рассматривается степень разработанности темы исследования в научной литературе, определяются объект, предмет, цель и задачи работы, ее теоретико-методологические основы, формулируются элементы научной новизны и положения, выносимые на защиту, определяются теоретическая и практическая значимость исследования и характер его апробации.

Первая глава «**Неолиберализм как идейно-политический феномен**» посвящена раскрытию идейных основ неолиберализма, анализу критических подходов к неолиберальной стратегии глобализации, рассмотрению трансформационной функции неолиберального дискурса.

В **первом параграфе «Понятие, идейные основы и формы неолиберализма»** дается анализ пяти основных подходов к понятию «неолиберализм». *Первый подход:* трактовка неолиберализма как нового этапа развития либеральной мысли, ознаменованного стремлением соединить идеи классического либерализма с элементами социалистической идеологии, в частности, с идеями социального государства, правового социализма и социальной солидарности. Данный подход послужил основанием для обозначения термином «неолиберализм» идейного наследия русских либералов начала XX века (С.И. Гессен, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгород-

цев, М.И. Туган-Барановский и др.)²⁹. *Второй подход* связан с отождествлением понятия «неолиберализм» с кейнсианством – учением крупного экономиста первой половины XX века Дж. М. Кейнса, ратовавшего за эффективное сочетание конкуренции с государственным регулированием³⁰. *Третий подход* подразумевает под понятием «неолиберализм» идейные установки, принципиально альтернативные, с одной стороны, социалистическим теориям централизованного государственного управления обществом, а, с другой, – кейнсианским идеям государственного регулирования рыночных отношений³¹. Под понятием «неолиберализм» представители данного подхода подразумевают теории свободной конкуренции, эффективного рыночного предпринимательства, рыночно ориентированной государственной политики, продвижение принципов маркетинга в различные сферы общественной жизни³². *Четвертый подход* связан с рассмотрением неолиберализма в качестве глобальной экономической доктрины и стратегии Вашингтонского Консенсуса³³, направленной на радикальное реформирование экономик развивающихся стран в сторону приватизации, маркетинга и монетизации экономических отношений, что связано с установлением экономического господства транснациональных корпораций. *Пятый подход*: под неолиберализмом понимается современная фаза развития капитализма, связанная с глобальными трансформациями всех без исключения общественных отношений и всех форм общественного сознания, направленных на установление нового мирового порядка и формирование нового типа личности³⁴.

В диссертации отмечается, что первый и второй подходы к интерпретации понятия «неолиберализм», вряд ли, приемлемы с методологической точки зрения, поскольку рассматриваемый феномен по ряду идейных и стратегических параметров (идеал государства, отношение к государственной социальной политике и др.) альтернативен как политико-правовым воззрениям российских либералов начала XX века, так и кейнсианству 30-х гг. XX столетия. Для обозначения форм либерализма, представленных в первом и во втором подходе, с нашей точки зрения, больше бы подошел термин «новый либерализм». Именно это название используется рядом авторов для характеристики воззрений, в основе которых лежит идея объединения либеральной теории с концепцией социального государства³⁵.

Что касается остальных подходов, то в каждом из них раскрываются определенные базовые черты неолиберализма, которые необходимо объединить в одну интегральную дефиницию. В связи с этим, в работе предлагается следующее определение неолиберализма: *неолиберализм – это доминирующее в эпоху глобализации идейно-политическое течение, стратегически направленное на преобразование общественных отношений на основе всестороннего утверждения маркетинговой парадигмы, реализации доктрины Вашингтонского консенсуса в интересах транснациональных корпораций.*

При рассмотрении идейных истоков и теоретических основ неолиберализма диссертант обратился к анализу деятельности Коллоквиума У. Липпмана (Париже 26-30 августа 1938 г.), и Общества Мон-Пелерин (MPS), первая учредительная конференция которого состоялась в апреле 1947 г. по инициативе Фридриха фон Хайека. В 1950-1970 гг. MPS выступило инициатором создания целой сети think- tanks («фабрик мысли») в разных странах, главной задачей которых стала пропаганда неолиберальных идей. К настоящему времени насчитывается более 1000

²⁹ Попова А.В. Неолиберальная модель государственного общественного устройства России на рубеже XIX-XX веков. М.: Юрлитинформ, 2012. 232 с.

³⁰ См.: Неолиберализм // Погорелый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю. Политологический словарь-справочник. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 318 с.

³¹ Беляков А., Матвейчев О. Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. 412 с.

³² Тренор П. Неолиберализм: происхождение, теория, определение [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/neoliberalism.html>

³³ Williamson J. The Washington Consensus Revisited. Washington D.C.: 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://inef.uni-due.de/PolitikOn/Williamson.pdf>; Давыдов В. М., Бобровников А. В., Теперман В. А. Феномен финансовой глобализации. М.: ИЛА РАН, 2000. 204 с.

³⁴ Хомски Н. Неолиберализм и глобальный порядок. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/490>

³⁵ Сиземская И., Новикова Л. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С.132-140.

членов MPS, многие из которых являются советниками высокопоставленных политиков и государственных чиновников, сотрудниками лидирующих в США «фабрик мысли», таких как Институт Брукинга, Американский Институт Экономических исследований (American Institute for Economic Research), Национальный Центр исследований в сфере государственной политики (National Center for Policy Analysis) и др.³⁶

Начиная с 1950-х гг. в научных кругах начинает активно разворачиваться процесс теоретического осмысления неолиберализма в качестве самостоятельного направления политической и экономической мысли. Значительный вклад в изучение сущностных черт неолиберализма внесли советские ученые (И.А. Блюмин³⁷ и др.). Наибольшее внимание советские авторы уделяли немецкой (Фрейбургской) школе неолиберализма, поскольку в 1950-гг. идеи именно данной школы легли в основу реформ премьер-министра ФРГ Л. Эрхардта, получивших название «немецкое чудо».

В параграфе особо подчеркивается роль выдающегося французского политического философа Мишеля Фуко в рассмотрении базовых черт неолиберализма. В своих лекциях, прочитанных в конце 1970-х гг. и опубликованных под названием «Рождение биополитики», Фуко обозначил общие и видовые черты немецкого, французского и американского неолиберализма. Общими чертами разных видов либерализма, по его мнению, являются: 1) общий для всех неолибералов доктринальный противник, а именно, кейнсианство; 2) общие объекты отторжения – управляемая экономика, планирование, государственный интервенционизм; 3) общие научные авторитеты³⁸. Кроме того, по мнению Фуко, общим и инвариантным моментом всех разновидностей неолиберализма, отличающим их от классического либерализма, является перенос акцента с принципа свободного обмена на принцип свободной конкуренции. При рассмотрении американской версии неолиберализма Фуко выделяет такой ее важный компонент как *теория человеческого капитала*, которая связана с формированием человека нового типа – *homo ъсопотісис*³⁹. Для неолиберала *homo ъсопотісис* – «сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов»⁴⁰.

В диссертации утверждается, что в 1970-1990-е гг. решающую роль в превращении американской формы неолиберализма в теоретико-стратегическую основу проведения радикальных либеральных реформ в ряде стран мира, включая Россию, сыграли монетаристские идеи М. Фридмана. Монетаристская теория включает следующие постулаты: использование денежных инструментов в качестве главных регуляторов, стимуляторов и стабилизаторов свободного рынка; либерализация цен и внешней торговли; тотальная приватизация государственной собственности; использование в ходе реформ метода шоковой терапии. Уже в 1970-е гг. неолиберализм в своем монетарном облике стал влиятельной стратегической доктриной, оказавшей существенное влияние на процесс экономических реформ в Чили. В конце 1970-х гг. неолиберальная стратегия была взята на вооружение политической элитой стран Запада⁴¹. В 1979 г. в Великобритании к власти пришло правительство консерваторов во главе с Маргарет Тэтчер, которое положило в основу своего курса неолиберальную концепцию монетаризма, приватизации, низких налогов на богатых, а также учение об ограниченном социальном государстве. В 1980 г. с избранием Рональда Рейгана президентом США монетарный проект получил в США еще более жесткую практическую реализацию, чем в Великобритании: произошла масштабная отмена государственного регулирования экономики, особенно в финансовом секторе.

³⁶ Offelen J. Inventories of the Liberaal Archief [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.liberaalarchief.be/MPS2005.pdf>

³⁷ Блюмин И.А. Критика буржуазной политической экономии / Кризис современной буржуазной политической экономии. Том 3., 1962. Общая характеристика неолиберализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://economuch.com/politicheskoy-ekonomiki-istoriya/obschaya-harakteristika-neoliberalizma-13639.html>

³⁸ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1879 учебном году. СПб.: Наука, 2010. С. 104-105.

³⁹ Там же. С. 277-278.

⁴⁰ Там же. С. 285.

⁴¹ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 35.

В литературе экономические программы М. Тэтчер и Р. Рейгана получили наименования «тэтчеризм» и «рейганомика». Они традиционно считаются выражениями неоконсерватизма. Однако, с точки зрения диссертанта, это не совсем верно, поскольку тэтчеризм и рейганомика своим идейно-политическим наполнением в значительной степени обязаны неолиберализму⁴². В этой связи, в работе делается вывод о том, что *неоконсерватизм, представленный такими феноменами как «тэтчеризм» и «рейганомика», выступает одной из форм проявления идеологии и практики неолиберализма.*

Кризис социалистической идеологии в 80-е гг. XX века и расцвет потребительской идеологии в странах Запада привели к усилению влияния неолиберальных идей на интеллектуальные круги восточно-европейских стран, входящих в социалистический блок, а также на советскую интеллигенцию и политическую элиту, открытую западным интеллектуальным веяниям. В итоге в конце 1980-х гг. неолиберализм превращается в доминирующее в международном масштабе идейно-политическое направление, что получило свое логическое оформление в глобальной стратегической доктрине под названием «Вашингтонский консенсус» (ВК). Принятый в 1989 г. по инициативе администрации США, главных международных финансовых организаций – МВФ и Всемирного банка – ВК был призван обозначить пути перехода стран, развивающихся в направлении либеральной демократии, от централизованной системы управления к рыночной системе развития. В частности, следовало осуществить приватизацию государственного сектора экономики, усиление фискальной дисциплины (поддержание минимального дефицита бюджета за счет сокращения социальных программ), защиту собственности и прав собственников, снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций, свободную конвертацию национальной валюты, либерализацию внешней торговли (в основном за счет снижения ставок импортных пошлин), либерализацию финансовых рынков.

В 1989 г. в странах Восточной Европы прошла серия «бархатных революций», а в интеллектуальном пространстве СССР стали доминировать идеи радикальных рыночных реформ. Все это не могло не усилить привлекательность стратегического проекта ВК.

Второй параграф «Неолиберальная глобализация и политика: критический анализ» посвящен рассмотрению основных критических подходов к проекту неолиберальной глобализации. Согласно мир-системной теории И. Валлерстайна, в роли главных акторов глобализации выступают так называемые «страны ядра» или «страны золотого миллиарда» (США, Канада, развитые страны Западной Европы, Япония), а также контролируемые ими международные институционально-правовые и экономические центры – МВФ, ВТО, ВБ. ТНК как активные проводники неолиберальной глобализации, обладая большим экономическим потенциалом и высокой мобильностью, подрывают эффективность государств, принадлежащих к «полупериферии» и «периферии» мир-системы, получая при этом перспективу создания центров власти, лояльных ТНК.

В настоящее время существует обширная литература, в которой авторы подвергают критике различные аспекты неолиберальной глобализации. Данная критика, отнюдь, неоднородна по своему идейному настрою. В диссертации выделяются следующие основные разновидности критического анализа неолиберальной глобализации: *1) умеренно-критический подход; 2) радикально-критический подход.*

Сторонники умеренно-критического подхода, хотя и признают, что неолиберальная глобализация приводит к серьезным кризисным явлениям, все же, считают, что данная модель глобализации в общем и целом совпадает с общемировой объективной тенденцией развития. И поэтому в корректировке нуждается не столько сам неолиберальный курс на глобализацию, сколько его философско-политические основания и конкретная практика.

В целом же, умеренно-критический подход осуществляется в рамках либерального дискурса, направленного на исправление ошибок и дефектов неолиберальной политики в сторону отказа от безответственной социальной политики. Данная критика в качестве альтернативы неолиберализму предлагает различные улучшенные модели капитализма и либерализма. Про-

⁴² Там же. С. 36.

рабатываются также идеи новых, альтернативных ВК консенсусов, однако при этом сам неолиберализм как ведущее мировое течение не подвергается принципиальному пересмотру. К примеру, украинские исследователи П.С. Ещенко и А.Г. Арсеев в своей работе «Пекинский консенсус» vs «Вашингтонский консенсус» отмечают, что, несмотря на возрастающее признание вступления человечества в «постнеолиберальную» эпоху, действенных альтернатив неолиберализму в западной экономике сегодня нет⁴³. Сравнивая между собой два консенсуса, исследователи отмечают: несмотря на то, что «Пекинский консенсус» имеет ряд преимуществ перед «Вашингтонским консенсусом», оба они носят неолиберальный характер. На данный момент обращают внимание и другие специалисты, в том числе из КНР⁴⁴.

Умеренно-критический подход демонстрируют также авторы, выступающие за создание международных институтов, способных стать действенными противовесами центральному неолиберальному институту глобализации, однако, в рамках уже существующей структурной иерархии мир-системы. Иначе говоря, альтернативность новых международных структур будет носить не радикальный, а корректирующий, дополняющий характер. В качестве таких институтов сегодня, к примеру, рассматриваются Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

К умеренно-критической позиции можно также отнести ряд воззрений бывших активных идеологов неолиберализма, которые позже кардинально изменили свои взгляды (Дж. Стиглиц, П. Кругман, Дж. Грей, Дж. Сорос, Л. Болтански, Э. Кьяпелло и др.). Так, согласно английскому исследователю Дж. Грею, неолиберальная стратегия глобализации наносит непоправимый ущерб экономике стран «третьего» мира, поскольку приводит на практике к «несправедливому» распределению власти и рынка: вместо глобальной экономики, построенной на принципах свободного рынка, мир получил чрезвычайно зависимую и нестабильную систему. Автор умоляет, что нельзя слепо следовать предписаниям ВК, каждая страна должна избрать свой специфический путь развития⁴⁵.

В российской политической мысли умеренно-критическая позиция в отношении неолиберализма представлена воззрениями, в которых предлагается скорректировать стратегию глобализации путем учета новых мировых трендов⁴⁶, а также вносятся предложения о замене жесткой модели неолиберальных реформ на более мягкие в духе коммунитаризма⁴⁷ и социального либерализма⁴⁸.

В отличие от умеренных критиков неолиберализма, которые не выходят за рамки либерального дискурса, *представители радикально-критического подхода сознательно порывают с либеральным дискурсом*. Среди наиболее известных радикальных критиков неолиберальной модели глобализации необходимо назвать С. Амина, Б. Кагарлицкого, А. Каллиникова, Н. Кляйн, П. Смита, Н. Хомского. Согласно Каллиникову, формулирование альтернативы неолиберальной глобализации возможно только в терминах социализма: планирование, программирование, классовая борьба, стратегия перехода и т.д. В стратегическом плане для преодоления неолиберализма требуется «разработать программу реформ, которые сами по себе были бы желательны и ставили бы под сомнение логику капитала»⁴⁹.

Н. Хомский, используя множество фактов, настаивает на том, что идеология неолиберализма – не что иное, как идеология доминирования наиболее богатого меньшинства и эксплуатации других в интересах этого большинства. Согласно исследователю, мировая сеть трансна-

⁴³ Ещенко П.С. «Пекинский консенсус» vs «Вашингтонский консенсус» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://hvylya.net/analytics/economics/pekinskij-konsensus-vs-vashingtonskij-konsensus.html>

⁴⁴ Ren H. The Neoliberal State and Risk Society: The Chinese State and the Middle Class // Telos. – 2010. – Summer – P. 105-128.

⁴⁵ Грей Дж. Фальшивое очарование. Глобальный капитализм. М.: Праксис, 2011. 231 с.

⁴⁶ Шаклеина Т.А., Байков А.А. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 26.

⁴⁷ Фишман Л. Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму? // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 152-165.

⁴⁸ Погорельский А. Социальный либерализм: перспективы в России // Логос. 2004. 6 (45). С. 50-59.

⁴⁹ Там же.

циональных корпораций действует исключительно в интересах узкого круга властной элиты, признанным лидером которой выступают США. Посредством, к примеру, такого агента глобализации, как ВТО, всему миру навязываются американские ценности, которые в итоге приносят транснациональным корпорациям сверхприбыли⁵⁰.

Н. Кляйн на фактическом материале показывает, что неолиберальные реформы в разных странах сопровождаются не только огромными экономическими и человеческими потерями, ограблением населения, но также террором, ведущим к свертыванию демократии.

С. Амин в своих работах указывает, что на нынешнем глобальном этапе развития мир-системы преобладают попытки Триады, поддержать свой исключительный контроль над миром. Данная стратегия позволяет транснациональному капиталу решать все международные вопросы в своих исключительных интересах. Неолиберализм - это диктат капитала стран Триады⁵¹.

События последних лет на Украине и в Греции стали стимулом для разворачивания новых радикально-критических размышлений по поводу неолиберальной глобализации. Ярким примером этому является книга американского журналиста П. Смита под названием «Time No Longer: Americans After the American Century» (Время вышло: Американцы после американского века), а также его статья «Neoliberalism is our Frankenstein: Greece and Ukraine are the hot spots of a new war for supremacy» (Неолиберализм – наш Франкенштейн: Греция и Украина как горячие точки в новой войне за мировое господство). В статье автор подчеркивает, что за всеми современными кризисами просматривается неолиберальная война против инакомыслия, война за полное подчинение стран американско-евросоюзному глобальному порядку⁵².

В России радикальная критика неолиберализма и альтернативная ему стратегия наиболее ярко представлены деятельностью Института глобализации и социальных движений (ИГСО) под руководством Б.Ю. Кагарлицкого. На одной из конференций, организованной ИГСО, прозвучали важные положения о том, что, несмотря на негативные последствия неолиберальной глобализации, неолиберальные ценности продолжают существовать и поддерживаться широкими массами, ни один кризис не может уничтожить старые идеологии, пока продолжают существовать люди, которым эти идеологии выгодны⁵³.

В диссертации ставится вопрос, почему, несмотря на вполне обоснованную и конструктивную критику неолиберализма, и в России, и в целом ряде других стран, неолиберальные реформы продолжают прокладывать себе путь, и с особенным упорством – в сфере социальной политики? По мнению диссертанта, все дело в том, что именно в данной сфере неолиберализм осуществляет воспроизводство человеческого ресурса особого рода, а именно, Homo Economicus, ориентированного на парадигму маркетингового успеха и на систему ценностей, где главным мерилom выступают конкурентоспособность и сумма рыночных компетенций. Культивирование и расширенное воспроизводство такого рода человеческого капитала способно обеспечить дальнейшую жизнеспособность неолиберального глобального проекта и доминирование в общественном сознании неолиберального дискурса, превращая все альтернативные дискурсы в разряд маргинальных, подлежащих, если не уничтожению, то массовому презрению. Общий вывод таков: неолиберализм будет и дальше доминировать в идейно-политической и экономической сферах общественной жизни пока в составе правящих элит разных стран будут оставаться элементы, глубоко заинтересованные в сохранении мирового порядка, установленного Тριάдой.

⁵⁰ Хомский Н. Прибыль на людях /Пер. с англ. Б.М.Скуратова. – М.: Праксис, 2002. С. 109–110.

⁵¹ Самир Амин предложил путь развития для России [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://pglobal.ru/news/557/>

⁵² Смит П. Неолиберализм – наш Франкенштейн: Греция и Украина как горячие точки в новой войне за мировое господство [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://inosmi.ru/world/20150216/226298221.html>

⁵³ Неолиберальная идеология имеет географию, и пример тому - кризис экономики запада: канадский эксперт [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.iarex.ru/news/36208.html>

В третьем параграфе «Неолиберальный дискурс как фактор ценностных трансформаций» автор анализирует трансформационную функцию неолиберального дискурса в отношении ценностных ориентаций современного общества.

При рассмотрении неолиберального дискурса в качестве фактора ценностных трансформаций диссертант отталкивается от концепций дискурса как властного и коммуникативно-семиотического ресурса, получивших свое обоснование в работах Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Т. ван Дейка, М. Фуко, а также в теоретических исследованиях О.Ф. Русаковой⁵⁴.

В работе указывается, что *под трансформационной функцией неолиберального дискурса подразумевается культивирование в массовом сознании рыночной ценностной ориентации, включающей в свою систему такие маркетинговые ценности как: конкурентоспособность, платежеспособность, консюмеризм, маркетинговая компетентность, свобода потребительского выбора.*

В диссертации делается вывод о том, что в ряде современных работ неолиберализм рассматривается в качестве глобального дискурсного проекта, направленного на конструирование индивида нового типа, приспособленного к условиям мировой конкуренции и представляющего собой эффективный человеческий ресурс для создания сверхприбыли. Именно в таком ключе подходят к анализу дискурса неолиберализма французские исследователи Пьер Дардо и Кристиан Лаваль. По их мнению, суть неолиберальной практики состоит не в том, чтобы экстраполировать логику рыночных, конкурентных отношений на самые разнообразные сферы общественной жизни, создавая глобальные маркетинговые сети в сферах здравоохранения, образования, искусства и т.д., а в том, чтобы переделать ментальность индивида по лекалам конкурентной борьбы. Неолиберальный дискурс ведет борьбу за «человеческий капитал», т.е. за формирование и образование индивида, для которого внутренние стратегии «личностного развития» и карьерного роста служат интересам коммерческой конкуренции: «экономике нужно снабжать индивидами, лучше всего адаптированными к коммерческой войне по самым общим правилам, т.е. самыми «эффективными» (*performants*) индивидами. Образование таких индивидов и поддержание «в течение всей жизни их способности действовать в условиях жесткой конкуренции, находит привилегированное выражение во встраивании индивидов в конкуренцию между собой»⁵⁵. Иначе говоря, дискурс неолиберализма обобщает наиболее эффективные менеджерские практики в области подчинения внутренней жизни индивида корпоративным интересам. Для неолиберального менеджмента неважно, каким видом деятельности занимаются субъекты. Значение имеет только то, чтобы они были конкурентоспособными. Именно поэтому конкуренция становится общей нормой, которую можно применять к какой угодно деятельности. Согласно Дардо и Лавалю, неолиберальный дискурс отличают такие черты как безразличие к специфике конкретных видов профессиональной деятельности и стремление подчинить конкурентной логике внутренний мир человека⁵⁶.

Чтобы заставить индивидов конкурировать между собой, следуя определенной логике самоконтроля и эффективности, направленной на достижение высокой производительности, неолиберальный дискурс конструирует унифицированные системы количественных оценочных показателей, на основании которых следует судить об уровне конкурентоспособности индивида. При этом система оценок может быть совершенно абсурдной. В качестве примера Дардо и Лаваль приводят современную оценку научных исследований по количеству статей, опубликованных в рецензируемых журналах и по количеству ссылок на них. При этом, отмечают авторы, содержание работ не принимается во внимание, ибо «важно не столько «содержательное» значение измеряемой величины, сколько простота использования, которую обеспечивают циф-

⁵⁴ Русакова О.Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 4 (97). С. 135-144; Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4. С. 26-43 и др.

⁵⁵ Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. 2011. №1 (80). С. 103-117.

⁵⁶ Там же. С. 110.

ры»⁵⁷. «Публикуйся или умри» (Publish or perish) – вот лозунг научного работника, продиктованный «бухгалтерской» логикой неолиберальной системы оценок исследовательского труда. Этот лозунг – всего лишь перевод на язык научного сообщества других лозунгов, характерных для дискурса неолиберального маркетинга: «Продай или умри», «Продай себя или умри»⁵⁸.

В параграфе делается вывод: *маркетинговая парадигма является базовым смыслообразующим ядром неолиберального дискурса.*

Для автора большую теоретико-методологическую ценность представляет позиция С. Жижека, согласно которой неолиберальный дискурс производит эффект переформатирования политической ментальности посредством распространения рыночной логики инвестирования и предпринимательства на все сферы жизни. Делается это для того, «чтобы, к примеру, забота о здоровье или получение образования, да даже сами политические решения (голосование) воспринимались бы как инвестиции, совершаемые индивидом в его или ее личный капитал»⁵⁹. Внушая идею о том, что индивидуальные предприниматели сами должны нести всю ответственность за разнообразные риски, неолиберальная власть осуществляет сокращение затрат на социальную сферу⁶⁰. Для большинства людей такая политика оборачивается вынужденным поиском работы, необходимостью выплаты все новых и новых долгов. Индивид, нагруженный долгами, является ценным объектом для неолиберального властного управления и манипулирования посредством банковской кредитной системы. Кредитная зависимость индивида, отмечает Жижек, позволяет сделать его поведение предсказуемым и просчитанным⁶¹.

Многие современные исследователи обращают внимание на дегуманистическую интенцию неолиберального дискурса, его стремление вытеснить в маргинальную область просветительские представления о человеке как высшей ценности. Анри Жиру, канадский исследователь, автор целого ряда критических работ, направленных против господства неолиберального дискурса в сфере культуры, образования и науки отмечает: «Неолиберализм теперь стал доминирующим политическим дискурсом, празднующим победу над гуманистическими ценностными ориентациями образования, здравоохранения, культуры»⁶². По мнению Жиру, неолиберализм – не просто идеология и система ценностей. Это нечто большее, работающее как мощное «культурное поле», которое сокрушает и перекраивает под себя все, в него попадает и культура, и экономика, а главное – язык самой политики.

В конце параграфа делаются следующие выводы: неолиберальный дискурс в качестве фактора ценностных трансформаций производит эффект переформатирования ментальности посредством внедрения в общественное сознание рыночной логики инвестирования в человеческий капитал, понимаемый как сумма компетенций, обеспечивающих личности ее рыночную конкурентоспособность; неолиберальный дискурс культивирует количественный фетишизм, лежащий в основе формирования субъекта «бухгалтерского» типа, что находит свое воплощение в доминировании рейтинговых показателей при оценке эффективности любой, в том числе интеллектуальной, деятельности; доминирование неолиберального дискурса приводит к дегуманизации и коммерциализации интеллектуальной и социальной сферы, к превращению науки, образования, здравоохранения и культуры исключительно в сферу услуг, а их продуктов – в разновидность рыночных товаров.

Во второй главе «Неолиберальные политические трансформации и технологии» рассматриваются основные черты неолиберальных трансформаций государства и демократии, производится анализ базовых признаков неолиберальной политической элиты, рассматриваются особенности российской модели неолиберализма, раскрываются технологические комплексы, используемые в ходе реализации проектов «цветных революций».

⁵⁷ Там же. С. 111.

⁵⁸ Там же. С. 115.

⁵⁹ Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. М.: Европа. 2014. 280 с.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 227-228.

⁶² Жиру А. Неолиберализм и закат демократии: возрождение надежды в Темное Время [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page6158.html>

В первом параграфе второй главы «Неолиберальные трансформации государства и демократии» дается определение трансформационной функции неолиберализма применительно к политическим процессам и институтам. С точки зрения диссертанта в широком смысле под трансформационной функцией неолиберализма понимается способность его идеологии и политической программы воздействовать на общественное сознание и оказывать преобразовательное воздействие на ценностные установки и социально-политическую жизнь общества в целях осуществления глобального доминирования. В узком значении трансформационная функция неолиберализма выражается в реализации программ рыночных реформ, предписываемых Вашингтонским консенсусом, а также программами Евросоюза и другими международными проектами вроде Транс-Атлантического и Транс-Тихоокеанского партнерства.

Говоря о трансформационной функции неолиберализма в отношении национальных государств, следует отметить, что неолиберализм как доминирующая модель глобализации выражает общую заинтересованность его агентов в сокращении влияния на мировой процесс национальных государств, во все большей утрате ими своего суверенитета в пользу власти транснациональных корпораций. Национальное государство расценивается адептами неолиберализма как явление патологическое, как груз, от которого следует освободиться любой ценой⁶³. Понятие же государственного суверенитета в неолиберальном дискурсе рассматривается как устаревшее, как рудимент прошлого.

Важный вклад в теоретическое осмысление формирования и функционирования неолиберального государства внес Дэвид Харви. Согласно Харви, главной чертой нелиберального государства является приверженность монетаристской политике, краеугольным камнем которой является обеспечение надежности и устойчивости денежной системы, создание гарантий для распространения влияния финансовых институтов и финансового капитала⁶⁴. Политика тотальной приватизации, проводимая неолиберальным государством, превращает ресурсы страны в предмет купли-продажи⁶⁵. Неолиберальное государство использует инструменты приватизации для передачи активов из общественной собственности и публичного пользования в руки привилегированных классов (политическая и экономическая элита) и делает это часто вопреки воле населения страны. Путем создания определенных схем приватизации и сокращения социальных расходов неолиберальное государство становится основным агентом политики перераспределения богатств и доходов в пользу лояльных ему коммерческих структур.

В параграфе отмечается, что существенной чертой неолиберальной управленческой элиты является ее *политический космополитизм*. Концепция космополитического государства глубоко проникла в ее сознание. Свою миссию неолиберальная элита видит не в том, чтобы служить интересам своего народа и обеспечивать суверенитет своей страны, а в том, чтобы как можно глубже интегрировать государственные институты и государственную экономику в глобальные транснациональные сети, то есть, превратить на практике собственное государство и самих себя в проводников интересов глобальных корпораций. Госуправленцы, разделяющие неолиберальный образ мысли, идентифицируют себя не с народом управляемой ими страны, а с неким глобальным управляющим классом, обслуживающим в интересах транснационального капитала.

Другая особенность неолиберальной управленческой элиты, обозначаемой понятием «глобальный управленческий класс» – *потребительский космополитизм*, согласно установкам которого, лучше всего жить там, где можно обеспечить себе наиболее высокий уровень потребления. Необходимо особо отметить еще одну важную черту глобального управляющего класса, а именно, осуществление разрушительной политики в отношении тех социальных институтов, которые транслируют иные системы ценностей, противоречащие потребностям неолиберальным установкам. К институтам такого рода неолибералы, находящиеся во власти, относят

⁶³ См.: Стоядинович М. Неолиберализм и неоимпериалистический концепт глобализации. Перевод – Ранко Гойкович, Павел Тихомиров. Русская народная линия – информационно-аналитическая служба. 20.04.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/04/20neoliberalism_i_neoimperilisticheskij_koncept_globalizacii/

⁶⁴ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 101-102.

⁶⁵ Там же. С. 213.

систему образования, базовыми ценностями которой является просвещение, гуманизм, высокий интеллектуализм, творческая личность. Вместо этого неолбералы создают в законодательном порядке иную образовательную систему, главной задачей которой является формирование квалифицированного и компетентного потребителя, то есть человека исключительно рыночной ориентации, который будет органично встроен в мировой потребительский рынок и окажется целиком зависимым от рыночной конъюнктуры и потребления мировых брендов.

При рассмотрении неолберальных трансформаций ключевых идей демократии диссертант в значительной степени разделяет позицию американского исследователя Венди Браун, которая представлена в одной из последних ее работ под названием «Гибель демоса: неолберальная революция-невидимка» (Brown Wendy. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. New York: Zone Books, 2015). В. Браун утверждает, что неолберализм совершает (или уже совершил) концептуальный отход от демократии. Он также наносит большой вред практике, культуре, институтам и образу демократии. Рационализм, присущий неолберальному взгляду на мир, переводит значение демократических ценностей из политического регистра в экономический. В итоге свобода теряет свое политическое значение как возможность участия в политической жизни и свое экзистенциальное значения, поскольку сводится к рыночной свободе, исключающей всякие ограничения со стороны государства. Равенство как правовой статус и принцип долевого участия заменяется идеей равного права конкурировать в мире, где всегда есть победители и проигравшие.

Присоединяясь к позиции В. Браун, автор утверждает, что после победы неолберальной революции *homo politicus*, как фундаментальное свойство человеческого бытия и демократии, терпит поражение. Подлинная демократия требует, чтобы граждане были способны к самоуправлению, а не только к повышению стоимости. Подлинная демократия требует, чтобы мы понимали под свободой способность к самоуправлению, а не просто адаптацию к поведению на рынке. Общий вывод таков: неолберализм, декларируя ценности свободы и демократии, выступая против бюрократизма и коррупции, на практике осуществляет политику, которая приводит ровно к обратным результатам. В этом – главный парадокс неолберальных трансформаций общественного развития.

Суммируя сказанное в данном параграфе, диссертант пришел к следующим выводам:

1. Неолберальная модель трансформации государства как политического института опирается на постулат об объективности процесса утраты государством своего национального суверенитета, поскольку считается, что в условиях глобализации и глобального управления снижается роль национальных субъектов в решении международных вопросов и возрастает роль транснациональных союзов и объединений. В итоге национальные государства не могут делегировать часть своего суверенитета наднациональным образованиям типа ЕС.

2. Понятия «национальное государство» и «государственный суверенитет» в неолберальном дискурсе расцениваются как устаревшие. На смену суверенных национальных государств должны прийти космополитические государства, глубоко интегрированные в систему транснациональных отношений и мультикультурные по своему составу.

3. Неолберальное государство более озабочено поддержкой целостности финансовой системы и платежеспособностью финансовых институтов, чем материальным и социальным благополучием большинства граждан.

4. Неолберальное государство негативно настроено к любым практикам и ассоциациям, которые могут препятствовать процессу накопления капитала. Независимые профсоюзы или другие общественные движения неолберальное государство стремится поставить в жесткие ограничительные рамки. В результате ограничений полномочий институтов гражданского общества трудящиеся теряют социальные льготы и гарантии занятости. Ответственность за материальное, физическое и социальное благополучие граждан неолберальное государство стремится полностью переложить на самих граждан.

5. Неолберальное государство использует инструменты приватизации для передачи активов из общественной собственности и публичного пользования в руки привилегированных классов, усиливая тем самым процесс социального расслоения.

6. Альтернативой неолиберальному государству может стать такая модель государственной политики, для которой первостепенными задачами выступают: защита национального суверенитета, обеспечение условий для практической реализации открытой демократии, достижение экономического, политического и культурного равноправия.

7. Базовыми чертами неолиберального управляющего класса являются: политический и потребительский космополитизм; отношение к образованию как системе, нацеленной главным образом на формирование квалифицированного потребителя, разрушение гуманистически ориентированной системы образования; использование манипулятивных технологий для поддержания имиджа класса успешных менеджеров; страх перед прямой демократией.

8. Неолиберальные трансформации демократии выражаются в маркетинговой рационализации демократических процессов и ценностей. Будучи господствующим типом рациональности, неолиберализм переводит демократический дискурс в регистр маркетингового дискурса.

9. В неолиберальном дискурсе избирательные процедуры, обозначаемые термином «демократия», на деле рассматриваются в качестве инструментов маркетинговой игры, где граждане уже не являются значимыми политическими субъектами, а только потребителями политических услуг.

Второй параграф второй главы «Особенности российского неолиберализма» посвящен раскрытию основных характеристик российского неолиберализма, специфике его стратегической модели и современным трансформационным тенденциям.

Автор, ссылаясь на данные социологических исследований⁶⁶, отмечает, что в отличие от стран Восточной Европы, образовавшихся после распада социалистического содружества, неолиберальные реформы в России носили форсированный характер, что привело к громадным разрушительным последствиям в экономике и в социальной сфере. Такая поспешность объясняется тем, что новая российская номенклатура стремилась успеть максимально выгодно для себя приватизировать наиболее перспективную часть государственной собственности до того, как народ страны смог бы опомниться и выступить с протестом. Кроме того, в отличие от восточно-европейских реформаторов, для российских неолибералов с самого начала их деятельности вопрос о модернизации экономики, о направлении реформ в русло роста национального богатства страны даже не стоял.

В диссертации подчеркивается, что в разработке и осуществлении программы приватизации в России непосредственное участие принимали МВФ, ВБ, Гарвардский Институт Международного Развития и целый ряд других международных организаций, занимающиеся процессом внедрения в управленческие практики постсоциалистических государств технологий неолиберальных реформ. В этой связи можно утверждать, что в 1990-е гг. Россия находилась под внешним управлением, и, следовательно, за ущерб, нанесенный стране радикальными реформами, несут ответственность не только отечественные «архитекторы» реформ, но и зарубежные неолиберальные организации и институты.

Одновременно с курированием российских радикальных реформ в различных сферах (экономика, здравоохранение, образование, наука и др.) международные неолиберальные организации на протяжении всех постсоветских лет вели работу по организации и поддержке различных центров и фондов, призванных идеологически поддерживать неолиберальный курс, осуществляемый в стране. Одной из таких организаций является Фонд Фридриха фон Хайека, зарегистрированный в РФ 3 декабря 2002 г. В работе на основании обзора основных программных положений данного Фонда (завершение полной приватизации предприятий государственной собственности; отказ от всех льгот и социальных программ; законодательное ограничение деятельности профсоюзов, реституция собственности и др.) отмечается, что программа Фонда предельно четко обрисовала подлинную стратегию действий российских неолибералов, обнажив ее антидемократический и антисоциальный характер.

В диссертации приводятся данные социологических опросов последних лет, которые показывают, что наиболее значимыми потерями для общества россияне считают снижение уровня

⁶⁶ Симонян, Р.Х. Реформы 1990-х годов: общественно-политические результаты [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.rusproject.org/current/current_1/itogi_20_let_simonjan

жизни большинства населения, падение морали, отсутствие должного порядка в стране, рост коррупции, развал передовых отраслей промышленности; 23% опрошенных наибольшей потерей для себя назвали отсутствие социальной справедливости, 27% – резкое деление общества на богатых и бедных. Усиление негативизма в отношении проводимого в стране социально-политического курса проявляется в постоянном росте числа опрошенных, считающих значимой потерей от реформ отсутствие социальной справедливости⁶⁷. По данным исследования, проведенного Институтом социологии РАН весной 2012 г. из предложенных вариантов лозунгов, которые наилучшим образом выражают личные мечты о будущем, 45% опрошенных россиян выбрали вариант «социальная справедливость»⁶⁸. На этом основании социологами был сделан вывод, что именно идея справедливости в наибольшей степени может стать консолидирующей для российского общества⁶⁹.

Опросы также показали, что большинство граждан России уверены, что нынешнее российское общество устроено менее справедливо, чем советское. Получается, что за последние годы в России справедливости больше не стало⁷⁰. Запрос на справедливость, отмечают социологи, является одним из самых значимых в российском обществе и в то же время – самым болезненным для современной российской власти⁷¹.

В работе отмечается, что тенденция усиления востребованности такой ценности как социальная справедливость в российском обществе оказалась замеченной властной элитой, что обнаружилось себя в коррекции неолиберального курса посредством включения данной ценностной установки в официальный политический дискурс. Данная коррекция наиболее отчетливо проявилась в ряде статей и публичных выступлениях Президента РФ В.В. Путина⁷². В 2012 г., накануне президентских выборов В.В. Путин назвал ориентацию на социальную справедливость одним из государственных приоритетов. В его предвыборной статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России» говорилось: «Каждый рубль, направляемый в социальную сферу, должен “производить справедливость”. Справедливое устройство общества, экономики – главное условие нашего устойчивого развития ...»⁷³.

Диссертант утверждает, что попытки включить концепт социальной справедливости в дискурс современной российской власти путем присоединения его к системе неолиберальных ценностей, свидетельствуют о том, что российский неолиберализм как идейно-политическая программа носит *гибридный характер*. Гибридность российского неолиберализма проявляется в противоречивости политики, проводимой властными структурами страны: решения, принимаемые правительством РФ, продолжающие неолиберальный курс, входят в противоречие с курсом Президента РФ, отстаивающим альтернативные неолиберализму приоритеты. Противоречивый характер российского неолиберализма проявляется также в несоответствии его декларативных установок на модернизацию, демократизацию и демонополизацию реальной неолиберальной практике, соответствующей антимодернизационным и антидемократическим интересам бюрократической верхушки, сращенной с монополистическим капиталом.

Для автора диссертации огромное теоретико-методологическое значение при анализе особенностей российского неолиберализма имеют глубокие и компетентные высказывания Евгения Максимовича Примакова, который на заседаниях созданного им дискуссионного клуба «Меркурий» дал развернутый анализ не только негативных проявлений неолиберального курса

⁶⁷ Аналитический доклад «Двадцать лет реформ глазами россиян». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://ntpp.biz/upload/iblock/f03/20_years_reform_vlfbsonfhkxvop.pdf

⁶⁸ Римский В.Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 29.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 32.

⁷¹ Там же. С. 33.

⁷² Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://rg.ru/2005/04/26/prezident.html>

⁷³ Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/13/statya-v-v-putina-stroitelstvo-spravedlivosti-socialnaya-politika-dlya-rossii/>

в России, но также путей их преодоления, первых шагов, проделанных в последнее время в данном направлении.

Важной заслугой Примакова является то, что он выделил основные позитивные моменты, связанные с противодействием политике неолиберализма, которые произошли в России к 2015 году. В их числе следующие: сохранение государственной собственности на те объекты промышленности, которые крайне необходимы не только для безопасности, но и жизнедеятельности России; движение в сторону увеличения бюджетного финансирования военно-промышленного комплекса, здравоохранения, образования; российская инициатива по ликвидации химического оружия в Сирии, которая привела к предотвращению военного вмешательства во внутренние дела страны со стороны США и других государств и др.⁷⁴ Подводя итоги случившихся позитивных перемен в области сопротивления неолиберальному курсу как во внешней, так и во внутренней политике, Примаков констатировал, что Россия в последнее время существенно укрепила свою роль великой державы, политика которой служит делу стабилизации обстановки в мире.

Анализ ряда последних публичных выступлений Президента РФ, содержащих принципиальные заявления о том, что Россия ставит перед собой новые приоритеты для своего внутриполитического и внешнеполитического ориентирования, показывает, что в настоящее время в официальных кругах России происходит *процесс парадигмального перехода от неолиберальных установок к установкам на укрепление национально-государственного суверенитета, развитие демократии и социальной справедливости.*

Отмеченный переход еще только прорисовывается. Пока же во властных кругах продолжает доминировать модель гибридного неолиберализма, когда одни властные структуры заявляют о необходимости сильной социальной политики со стороны государства и приверженности принципу социальной справедливости, а другие продолжают осуществлять неолиберальный курс на расширение процесса приватизации, устранение государства из сферы контроля над экономикой, на дальнейшую коммерциализацию образования и здравоохранение.

Третий параграф второй главы «Современные политические технологии в арсенале неолиберализма» посвящен рассмотрению политических технологий, которые используются неолиберальными силами в процессе организации «цветных революций». Сами «цветные революции» рассматриваются автором как система технологий, используемая неолиберальным менеджментом для деконструкции существующих «недемократических» режимов, для дискредитации и разрушения присущего им символического пространства с целью осуществления радикальных трансформаций всех общественных структур в неолиберальном русле. Для настоящего исследования принципиальным является положение о том, что именно неолиберализм является главным сценаристом и организатором запуска глобального проекта серийных цветных революций, разработчики которого оснастили его определенным технологическим арсеналом. В диссертации отмечается, что теоретико-методологическими основами организации и технологического обеспечения неолиберальных «цветных революций» являются: теория управляемого хаоса, теория ненасильственного государственного переворота, теории soft power и smart power, теория «умной толпы». При этом говорится, что отождествление понятий «мягкая сила» и «цветная революция» не является правомерным, поскольку данная процедура заставляет считать цветные революции мягким вариантом организации государственного переворота и потому менее опасной формой воздействия на режимы. Автор солидаризируется со следующим мнением: «Цветные революции – не мягкая сила; это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов западными странами, которые имеют признаки имитационности»⁷⁵.

⁷⁴ Примаков Е. Почему неолиберализм непригоден для России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.nakanune.ru/articles/18521>

⁷⁵ Манойло А.В. Проблемы демонтажа политических режимов в современном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://nic-pnb.ru/articles/problemy-demontazha-politicheskix-rezhimov-v-sovremennom-mire/>

В работе выделяются и рассматриваются структурные компоненты трех технологических комплексов, которые запускаются неолиберальными силами на стадии, предшествующей государственному перевороту в ходе «цветных революций».

Первый технологический комплекс включает запуск программ вербовки, мобилизации и поддержки агентов неолиберального государственного переворота, к которым следует в первую очередь, отнести разнообразные НПО (неправительственные организации) и НКО (некоммерческие организации), молодежные организации, круги неолиберально-настроенной политической, экономической, интеллектуальной и медийной элиты.

Второй комплекс содержит технологии формирования мобильных информационно-коммуникативных систем, позволяющих оперативно проводить в нужное время и в нужном месте серии протестных акции. Социальные интернет-сети сегодня являются неотъемлемым мобилизационным ресурсом цветных революций. Считается, что именно интернет-коммуникации и twitter-революция сыграли решающую роль в подготовке и проведении цветных революций в странах Ближнего Востока, получивших название «Арабская весна».

Третий комплекс состоит из системы технологий, запускающих механизм политики памяти, связанной с задачей конструирования новой идентичности⁷⁶, которая помогает избавиться от символического наследия «проклятого режима». В целом, политику памяти можно определить, как стратегию управления коллективной памятью народа⁷⁷.

Технологии политики памяти в периоды подготовки перехода к новому неолиберальному устройству общества представляют собой совокупность следующих приемов: отождествление неуютного режима с тоталитарной системой, от которой следует обязательно избавиться; формирование образа собственного народа как жертвы тоталитарного режима; переинтерпретация символов существующей власти, «борьба с памятниками» и старой символикой и др.

Указанные приемы прошли свою апробацию в период «цветных революций» в Венгрии (1956 г.), в Чехословакии (1968 г.), а также в период неолиберальных реформ в странах Восточной Европы в начале 1990-х гг. В России в период неолиберальных реформ, а также в последующие годы (вплоть до настоящего времени) разворачивался процесс десоветизации и декommунизации отечественной истории и символики.

В «**Заключении**» исследования подводятся основные итоги, обобщаются результаты и формируются основные выводы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

а) статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 259-271. (12 с./5 с.)
2. Хмелинин А.А. Особенности и дискурс российского неолиберализма: становление «гибридной» модели // Социум и власть. 2013. №4(42). С. 59-64.
3. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Проблема критического анализа неолиберализма в современной политической философии // Социум и власть. 2014. №2. С. 41-48. (7 с./3,5 с.)
4. Хмелинин А.А. Проблема социальной справедливости в неолиберальной политической доктрине и практике: теоретический анализ // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Том 14, Вып. 3. С. 134-145.

⁷⁶ Малинова О. Политика памяти в постсоветской России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://postnauka.ru/video/41333>

⁷⁷ Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2012. С. 238-245.

Другие публикации:

1. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Идеологическая мобильность современного неолиберализма: методологический анализ // Дискурс-Пи: Научный журнал. Вып 13. 2013. С.89-97. (8 с./4 с.)
2. Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс // Дискурс-Пи: Научный журнал. 2014. №4(17). С. 23-26.
3. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Глобальная стратегия неолиберальных трансформаций: критический анализ // Дискурс-Пи: Научный журнал. 2015. № 2(19). С. 91-101. (10 с./5 с.)
4. Бочаров А.В., Русаков В.М., Хмелинин А.А. Дискурсивно – идеологический комплекс «цветных революций» // Дискурс – Пи: Научный журнал. 2015. № 3-4(20-21). С. 42-50. (8 с./3 с.)
5. Хмелинин А.А. Политическая философия российского неолиберализма //Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад - диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6-10 октября 2015 г.). В 3-х т. Т. II. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 355-356.